
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 8.81.42 (8. 81.38)

Е. И. Беглова

<https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Своеобразие использования лексических средств в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья»

Для цитирования: Беглова Е. И. Своеобразие использования лексических средств в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 58–66. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-58-66

Предметом исследования явились лексические средства в произведении В. Розанова «Опавшие листья» (1913, 1915), публициста, писателя XIX – первой трети XX в., которое представляет новый авторский жанр – лист. Особое внимание уделено выявлению приёмов использования лексики в данном произведении с точки зрения выражения авторской мысли в афористической форме, когда слово играет определяющую роль не только в порождении индивидуально-авторского смысла, но и в выражении эмоций, оценок.

Выявлены и продемонстрированы основные приёмы употребления лексических средств: субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий; толкование значения слова через контекстуальное «приращение», создающее авторское умозаключение; наполнение слова контекстуальным значением с помощью ассоциативных образов; использование разных лексических средств, а также тропов, стилистических фигур для создания коннотативного смысла и экспрессии текста; приём создания семантической оппозиции на основе антитезы; использование метафор, антитезы, градации как текстообразующих факторов. Подтверждено и продемонстрировано, что текстообразующую роль выполняют специальные средства создания образности: метафора (развёрнутая метафора), олицетворение, антитеза, каламбур. Повтор и сравнение актуальны в жанре «листа» как средства, создающие коннотативные смыслы и усиливающие экспрессию. Выявлены особые авторские приёмы, к которым относятся семантическая оппозиция и умозаключения, образованные как дедуктивным, так и индуктивным способами; они часто служат основными факторами текстообразования. Данные особенности, отражающие свойства лексики, являются одновременно как приёмами порождения смысла, экспрессии, оценки, так и признаками жанра «листа».

Сделан вывод о том, что выявленные приёмы использования разных лексических средств являются одной из главных черт идиостиля писателя.

Ключевые слова: лексические средства, текст, жанр листа, приёмы использования лексики, определение понятий, умозаключение, контекстуальный смысл, коннотация, неологизм, идиостиль.

LINGUISTICS

Russian language

Е. И. Beglova

Peculiarities of using lexical means in the work of V. V. Rozanov's «The Fallen Leaves»

The subject of the study is the lexical means used in the «Fallen Leaves» (1913, 1915) – the work by V. Rozanov, a publicist and a writer of the XIX – first third of the XX centuries – which represents a new author's genre – a leaf. Particular attention is paid to identifying the methods of using the vocabulary in this work in terms of expressing the author's thought in an aphoristic form, when the word plays a crucial role not only in generating the author's individual meaning, but also in expressing emotions and opinions.

The author of the article identifies and demonstrates the most significant methods of using lexical means: subjective emotional and rational definition of concepts; interpretation of the meaning of words through contextual «increment» that creates the author's inferences; filling a word with contextual meaning by using associative images; the use of various lexical means, as well as tropes, stylistic figures to create connotative meaning and expression of the text; the method of creating a semantic opposition based on the antithesis; the use of metaphors, antitheses, gradations as text-forming factors.

The most significant methods of using lexical means are identified and demonstrated: subjective emotional and rational definition of concepts; interpretation of the meaning of words through contextual «increment» that creates the author's inferences; filling a word with contextual meaning using associative images; the use of various lexical means, as well as tropes, stylistic devices to create connotative meaning and expression of the text; the method of creating a semantic opposition based on the antithesis; the use of metaphors, antitheses, gradations as text-forming factors. It is stated and confirmed that the text-forming role is played by special means of creating imagery: metaphor (expanded metaphor), personification, antithesis and pun. Repetition and comparison are relevant in the «leaf» genre as the means of creating connotative meanings and enhancing expression. The author of the article considers special writer's techniques which include semantic opposition and inferences formed both deductively and inductively and often serve as the main factors of text formation. These features, reflecting the characteristics of vocabulary, are both the methods of generating meaning, expression, evaluation and the signs of the «leaf» genre.

The author concludes that the technique of using different lexical means is one of the main features of the writer's idiosyncrasy.

Keywords: lexical means, text, the leaf genre, techniques of using vocabulary, definition of concepts, inference, contextual meaning, connotation, neologism, idiosyncrasy.

В. В. Розанов и его произведение «Опавшие листья»

В. В. Розанов (1856–1919 гг.) – русский философ, публицист, писатель, о котором написаны научно-исследовательские работы, посвященные его философскому мировоззрению, писательскому мастерству [Бессонова, 2015, с. 561–564; Фатеев, 2015; Егоров, 2016; Миллионщикова, 2019; Емельянов, 2019], вопросам литературы [Фомин, 2007; Голубкова, 2013; Шульц, 2019, с. 44–53]. Произведение «Опавшие листья» изучалось с разных точек зрения: философской, литературоведческой, культурной и др. [Фомин, 2010; Федякин, 2014, с. 656–659]. Многие авторы, изучающие творчество В. В. Розанова в XX и XXI вв., справедливо говорят об уникальности стиля «Опавших листьев», о чем свидетельствует, например, работа Г. П. Федотова, который назвал это произведение «осенней жатвой его жизни», «плачем о России» [Федотов, 1988]. С. А. Шульц показал роль жанра «фрагмента» с его диалогичностью, открытостью в литературном творчестве В. В. Розанова [Шульц, 2019, с. 44–53], Е. М. Криволапова изучила особенности жанра названного произведения, обратив внимание на «дневниковый» характер текстов, [Криволапова, 2012, с. 22–29] и др. Е. П. Карташова исследовала особенности стиля В. В. Розанова, связанные с жанровыми и языковыми признаками авторского текста [Карташова, 2014, с. 2036–2040].

В данной статье мы рассмотрим особенности употребления лексических средств и приемы порождения контекстуального смысла особого жан-

ра, созданного В. В. Розановым, – листа, представленного в его произведении «Опавшие листья» (1913, 1915), которые, по нашему мнению, представляют одну из главных черт идиостиля В. В. Розанова.

Произведение «Опавшие листья», по словам самого автора, включает афоризмы «полумыслей и подувздохов» на самые разные темы: литературы, судьбы, российской жизни, церкви, бытовых явлений. Оно состоит из двух «коробов». Первый короб составлен из разных мыслей без соблюдения хронологии, он отражает мысли о смерти, размышления о собственной судьбе, любви, детях, людях и их поведении. Во втором коробе, как пишет В. В. Розанов, листья располагаются в строгой хронологической последовательности. В нем находятся мысли о браке, литературе, ученых, исторических лицах, писателях [Розанов, 2001, с. 239].

Исследователи произведений В. В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья» отмечали, что жанр листа строится на принципе «случайных записей», набросков мыслей «для себя» [Бессонова, 2015, с. 561], они стоятся по принципу дневниковых записей [Криволапова, 2012, с. 22–29]. С этим нельзя не согласиться, поскольку, по нашему мнению, уже само название «Опавшие листья» проецирует адресата на что-то необычное: малое, единичное во множестве, что разлетается, как листья/листья. М. А. Грушицкая видит в этом названии импрессионистскую метафору, которая отличается от обычной метафоры особой живописностью. Она отмечает в данной импрессионистской

метафоре скоротечность жизни, «авторские восклицания» [Грушицкая, 2019, с. 400]. По ее мнению, жанр листа отражает философию мгновений и впечатления от этих мимолетных наблюдений [Грушицкая, 2019, с. 395]. К аналогичному выводу пришли и мы в процессе изучения лексических особенностей текстов В. В. Розанова.

Семантика слов «лист», «листья/листы»

По нашему мнению, изучение лексических особенностей произведения В. В. Розанова «Опавшие листья», написанного в жанре листа, следует начать с самого названия, так как особого внимания заслуживает семантика слова *лист* / *листья* / *листы*. Слово *лист* в современном русском языке многозначное. В словарях фиксируются следующие значения и соответственно формы множественного числа: *листья* и *листья* – 1) орган воздушного питания и газообмена у растений [Кузнецов, 2004, с. 320]; 2) *листы* – тонкие широкие куски, пласты какого-либо материала (*листы бумаги, железа*); 3) *полиграфическое*: единица объема печатного листа в издательском деле (*печатный лист*); 4) *лист* / *листы* – документ, удостоверяющий что-либо, или содержащий какое-либо предписание (*исполнительный лист, похвальный лист*); бланк для занесения каких-либо сведений (*обходной лист, опросный лист*) [Кузнецов, 2004, с. 320].

В названии изучаемого нами художественного произведения формы множественного числа *листы* и *листья* чаще ассоциируются с языковыми и бытовыми пресуппозициями: слово *листы* сочетается со словами *бумага, железо*, содержащие сему «материал»: *листы бумаги, листы железа* и др. Слово *листья* вызывает бытовую ассоциацию, прежде всего, с деревом; оно имеет значение «часть растения: дерева, травы и пр.». По нашему мнению, наложение этих двух ассоциативных значений, обусловленных общими фоновыми знаниями автора и адресата, создаёт двусмысленность, на которой строится произведение «Опавшие листья», содержащее две композиционные части, называемые автором *коробами*: *короб первый, короб второй*. При этом слово *короб* также вызывает ассоциацию – языковую: это коробочка, корзина как вместилище для листьев в процессе их сбора или коробочка для хранения каких-либо листов (*бумажных, железных, кровельных* и пр.). Значение слова *листья* конкретизируется эпитетом (определением) *опавшие*, вызывающем ассоциации, с одной стороны, с осенью, когда падают листья с деревьев, с другой – с самими листьями,

их нежизнеспособностью, отмиранием, «смертью». Но *листья* – это и листы бумаги, на которые автор записывает свои сокровенные мысли, возникающие по любому поводу в процессе его перемещения, наблюдений за кем-либо или чем-либо. Это записи «для себя», которые фиксируют просветление ума, мимолетность мысли, придавая текстам афористичность. Таким образом, название является метафорой, которая создаётся многозначностью слов *листья* и *листы*, а также языковыми, бытовыми пресуппозициями, то есть общими фоновыми знаниями автора и адресата.

Авторские приемы употребления слов в произведении «Опавшие листья»

Следует заметить то, что частично лексические особенности «Опавших листьев» были исследованы в статье Е. П. Карташовой, которая описала прием остранения и каламбуры, построенные на переосмыслении значений многозначного слова, а также на использовании синонимов, антонимов в пределах небольшого контекста в прозаических произведениях В. В. Розанова «Опавшие листья», «Уединённое», «Последние листья» [Карташова, 2016, с. 85–88].

Как показывают наши наблюдения за текстами «Опавших листьев», содержание листа как авторского жанра порождается прежде всего особенностью употребления слов, а также особыми приемами использования слова, что мы продемонстрируем далее лексическим анализом нескольких текстов. Мы выявили следующие основные приемы употребления слова, которые способствуют созданию особого смысла текста, передающего авторские смыслы и эмоции и которые определяют одну из главных языковых черт идиостиля В. В. Розанова.

1. Субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий.

Иногда в пределах одного текста – листа – даётся два и более определений, которые включают эмоциональное или интимное авторское восприятие явления, предмета и пр.; при этом нередко предмет или явление олицетворяются. Например: *Грусть – моя вечная гостья. И как я люблю эту гостью.*

Она в платье не богатом и не бедном. Худенькая. Я думаю, она похожа на мою мамашу. У неё нет речей или мало. Только вид. Он не огорчённый и не раздражённый. Но что я описываю: разве есть слова? Она бесконечна.

Грусть – это бесконечность! [Розанов, 2001, с. 80].

*

Она приходит вечером, в сумерки, неслышно, незаметно. Она уже «тут», когда думаешь, что нет её. Теперь она, не возражая, не оспаривая, примешивает ко всему, что вы думаете, свой налёт: и этот «налёт» – бесконечен.

Грусть – это упрёк, жалоба и недостаточность. Я думаю, она к человеку подошла в тот вечерний час, когда Адам «вкусил» и был изгнан из рая. С этого времени она всегда недалеко от него. Всегда «где-то тут»: но показывается в вечерние часы (Окружной суд, дожидаясь секретаря) [Розанов, 2001, с. 80]. В общелитературном употреблении *грусть* – чувство или состояние печали, лёгкого уныния [Кузнецов, 2004, с. 144]; [СО, 1983, с. 132]. В контексте мыслей В. В. Розанова слово наполняется смысловыми оттенками и отрицательными эмоциями: *грусть*: 1) **это бесконечность** как авторское восклицание; 2) **это упрёк, жалоба и недостаточность**. *Грусть* олицетворяется, получая контекстуальные смыслы, то есть является в тексте семантическим неологизмом.

Несколько раз в «Опавших листьях» автор обращается к понятию «**любовь**». В узуальном употреблении слово *любовь* многозначное. В современном толковом словаре русского языка отмечается три значения: *любовь* – 1) чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-либо (*материнская любовь, любовь к другу*); 2) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола (*любовь к женщине*); 3) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо (*любовь к театру*) [Кузнецов, 2004, с. 328]. В толковом словаре XX века фиксируется два значения: *любовь* – 1) чувство сердечной самоотверженной привязанности (*любовь к родине, горячая любовь, взаимная любовь*); 2) склонность, пристрастие к чему-либо (*любовь к музыке*) [СО, 1983, с. 294]. В «листьях» автор определяет *любовь* по-иному, субъективно, на основе собственных ощущений и наблюдений, интимно, переводя высокую субстанцию в вещь, приземляя её:

Любовь подобна жажде. Она есть жажда-ние души тела (т. е. души, коей проявлением служит тело). *Любовь всегда – к тому, чего «особенно недостаёт мне», жаждущему* [Розанов, 2001, с. 98].

*

Любовь есть томление; она томит; и убивает, когда не удовлетворена [Розанов, 2001, с. 98]. *Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда*

возрождает. Любовь есть возрождение [Розанов, 2001, с. 99].

*

Любовь есть всегда взаимное пожирание, поглощение. Любовь – это всегда обмен – души-тела. Поэтому, когда нечему обмениваться, *любовь погасает. И она всегда погасает по одной причине: исчерпанности материала для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходств-тождества когда-то любивших и разных* [Розанов, 2001, с. 99].

Далее в тексте *любовь* как высокое чувство приземляется, превращаясь в «машину», дробясь на части – «валы с зубцами»: **Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла машина, как стройность и гармония «противоположностей».** *Это любовь естественно умершая, никогда не возродится...*

Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают измены, как последняя надежда любви: ничто не отдаляет (творит разницу) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще не стёршийся зубец нарастает, и с ним зацепливается противолежащий зубчик. Движение опять возможно, есть, – сколько-нибудь. Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое. Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. (Тогда как без «измены» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; умерли окончательно [Розанов, 2001, с. 99–100]. Определение любви как чувства в продолжении текста-листа перерастает в развёрнутую метафору: *любовь – это машина, имеющая вал с зубцами, которая работает до тех пор, пока зубцы не перестают цепляться друг за друга, а чтобы они не расцепились совсем, нужна измена, временное предательство как разрыв в отношениях между мужчиной и женщиной. Поэтому в тексте-листе даются определения любви и измены как единства противоположностей, без которых отношения в семье между мужчиной и женщиной и просто между мужчиной и женщиной заканчиваются. В тексте с помощью ряда глаголов-синонимов создаётся смысловая и эмоциональная (с чувством тревоги) градация: *отпадают, отваливаются, разваливаются, «умирают».* И так, в текстах-листах, располагающихся друг за другом в первом*

коробе, дано четыре субъективных авторских определения любви: *любовь* – 1) *жаждание души тела*, 2) *томление*, 3) *возрождение*, 4) *всегда взаимное пожирание, поглощение*, 5) *всегда обмен – души-тела*.

Наблюдаем два контекстуальных определения измены: 1) как *последняя надежда любви*, 2) *самоисцеление любви*, «починка» любви, «заплата» на *изношенное и ветхое*.

Обнаруживаем определения любви и состояния любви, выражаемого глаголом *любить*, и в коробе втором, например, в следующем листе: *Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты». Это внешнее описание, но самое точное*.

Любовь – вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней «дышится легко». Вот и все [Розанов, 2001, с. 251].

В данном тексте смысл любви передается через психологическое состояние и через чувства, которые испытывает любящий человек: *«не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты»*. *Любовь* – это воздух, который продлевает жизнь, а не огонь, который жжет и испепеляет.

Иногда определение понятия дается с помощью значений многозначного слова, которые реализуются в пределах небольшого контекста, составляя определение, например: *Люди, которые никуда не торопятся, – это и есть Божьи люди. Люди, которые не задаются никакою целью, – тоже Божьи люди* [Розанов, 2001, с. 376–377]. Слово *божьи* в словосочетании *божьи люди* имеет два значения: 1) посланные богом, юродивые; 2) люди ленивые, ведущие себя как юродивые, которым Бог дал светлый разум, но они по природе своей не хотят ничего делать, просто существуют по инерции. Последнее значение слово приобретает в контексте (индивидуально-авторское), семантически накладываясь на первое значение.

2. Толкование значения слова через контекстуальное «приращение», создающее умозаключения.

а) от общего к частному (дедуктивным способом):

Рождаемость не есть ли выговариваемость себя миру... [Розанов, 2001, с. 127]. Авторская мысль выражается как сомнение-восклицание, которое в контексте имеет утвердительную окраску. В листах, данных ниже, мысль развивается и доводится до умозаключения: *Молчаливые люди и нелитературные народы и не имеют других слов*

к миру как через детей.

*

Подняв новорождённого на руки, молодая мать может сказать: «Вот мой пророческий глагол!»

Дети – глагол, слова миру [Розанов, 2001, с. 127].

Последняя фраза является умозаключением, образующим целостный смысл из смыслов нескольких текстов-листов.

б) определение понятий от частного к общему (индуктивным способом):

Талант у писателя невольно съедает жизнь его.

Съедает счастье, съедает всё.

Талант – рок. Какой-то опьяняющий рок [Розанов, 2001, с. 155].

Талант писателя определяется не просто как *рок* (с отрицательной оценкой), но как творческий *рок (опьяняющий)*, заполняющий личность писателя. Эпитет *опьяняющий* в контексте меняет отрицательную оценку на положительную, так как для писателя творчество является главной частью жизни.

Иногда текст представляет собой умозаключение, созданное на основе наблюдений автора за чем-либо или кем-либо, например: *Грубы люди, ужасающе грубы, – и даже по этому одному или главным образом по этому – и боль в жизни, столько боли...* [Розанов, 2001, с. 209]. *Слабохарактерность – главнейший источник неправды. Первая (неодолимая) неправда – из боязни обидеть другого. И вот почему Бог не церемонится с человеком. Мы все церемонимся друг с другом, и все лжём* [Розанов, 2001, с. 258]. Умозаключение «Мы церемонимся друг с другом, говоря неправду, поэтому часто лжём», то есть одной из причин лжи является церемонность, излишняя деликатность.

3. Наполнение слова контекстуальным значением в процессе авторского размышления, когда значение слова создаётся или изменяется на основе ассоциативных образов, общих фоновых знаний автора и адресата.

Например: *В мышлении моём всегда был какой-то столбняк* [Розанов, 2001, с. 142]. В общелитературном употреблении слово *столбняк* имеет несколько значений, то есть оно полисемантическое: 1) острое инфекционное заболевание человека и животных, вызываемое бациллой, находящейся в почве, попадающей в организм через рану, и характеризующееся резкими судорожны-

ми сокращениями всех мышц; 2) *разговорное*: состояние неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения [Кузнецов, 2004, с. 798 ; СО, 1983, с. 684]. В тексте листа слово *столбняк* наполняется индивидуально-авторским значением – «отсутствие любопытства к чему-либо чужому, не своему»: *Я никогда не догадывался, не искал, не подглядывал, не соображал. Это обыкновеннейшие способности совершенно исключены из моего существа* [Розанов, 2001, с. 142].

Наблюдаются семантические неологизмы, которые в тексте сами по себе являются определениями понятия, например: «*Заштампованный человек*», который судится и не по материалу, и не по употреблению, а – по «штампу». И кладутся на него «штампы» – один к другому, все глубже. Уже вся грудь в орденах. И множество таких и составляют «заштампованное отечество». Которое не хватает силы любить. И стали класть «штамп» на любовь <...> [Розанов, 2001, с. 393]. *Заштампованный человек* – это такой, который отмечен наградой не только по заслугам, но чаще и потому, что так положено – «по штампу», при этом формируется новое значение слова *заштампованный*, то есть отмеченный несколько раз наградами потому, что так полагается на службе.

4. Использование разных лексических средств, а также тропов, стилистических фигур в рамках одного текста для создания коннотативного (индивидуального) смысла и экспрессии.

Как показывают наши наблюдения за текстами произведения «Опавшие листья», содержание жанра листа порождается разными лексическими средствами, связанными с изменением значений литературных слов, обыгрыванием значений многозначных слов (о чем уже говорилось выше), а также с использованием традиционных выразительно-изобразительных средств речи: тропов и стилистических фигур. Продемонстрируем последнее лексическим анализом нескольких текстов-листов. Например, встречаются тексты, построенные на словах, проецирующих адресата на бытовые и языковые пресуппозиции, отражающие народный жизненный опыт: *Нельзя помещать коня в коровник, корову в стойло, собаку в птичник, курицу в собачью конуру. И только* [Розанов, 2001, с. 391]. Соотношение слов связано с их узуальной семантикой и лексической сочетаемостью: конь – стойло; корова – коровник; собака – собачья конура, курица – птичник.

Часто текст-лист строится с использованием

метафоры или развёрнутой метафоры. Например: *У, как я хочу вечно. «Раб времени», тысячацелтия или минуты – все равно. У, как я не хочу этого «раба времени»* [Розанов, 2001, с. 151].

Сравнения помогают доходчиво передать адресату авторский индивидуальный смысл, например: *Как веешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это «проходит». Ужасна именно категория времени; ужасна эта связь с временем. Человек – временен. Кто может перенести эту мысль... [Розанов, 2001, с. 151]; *Есть люди, которые, как мостик, существуют только для того, чтобы по нему перебежали другие. И бегут, бегут: никто не оглянется, не взглянет под ноги. А мостик служит и этому, и другому, и третьему поколению* [Розанов, 2001, с. 151]. В этом тексте через сравнение даётся определение типа человека, человек – мостик, который связывает поколения. *Человек живёт как сор и умрёт как сор* [Розанов, 2001, с. 178].*

Часто используется стилистическая фигура каламбур, построенная на созвучии слов: *Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли – сердце первое* [Розанов, 2001, с. 151]. При этом автор использует словообразовательный неологизм *по думанью*. *Успех в доброте и доброта в успехе... [Розанов, 2001, с. 378]. Кто не любит человека в радости его – не любит и ни в чём. *...> Кто не любит радости человека – не любит и самого человека* [Розанов, 2001, с. 288].

Повтор слов или словосочетаний также используется как приём порождения коннотативных смыслов, которые при повторе усиливают их, создавая каламбур: *... не верьте, девушки, навеваниям вокруг вас, говорам, жестам, маскам, шумам, мифам... Верьте что что есть – то есть, что будет – будет, что было – было. Верьте истории.*

Верьте, что историю нельзя закрыть двумя ладонями, сложить ли их в «гробик», «в крестик» или «в умоление». Будьте неумолимы [Розанов, 2001, с. 290].

Тексты-листы могут включать одновременно несколько лексических средств, тропов, стилистических фигур, приобретая при этом динамичность и диалогичность. Например, даётся определение понятия, а при этом используются метафора и антитеза: *Жизнь требует верного глаза и твёрдой руки. Жизнь – не слёзы, не вздохи, а борьба. Слёзы – «дома», «внутри». Снаружи – железо. И только тот дом крепок, который окружён железом* [Розанов, 2001, с. 152]. Определение жизни как понятия: *жизнь – это борьба*; развёрнутая метафора порождает текст: *жизнь – человек,*

жизнь – это дом человека, который он строит сам, делая его крепким, недоступным для «плохого». Стилистическая фигура антитеза *внутри – снаружи* и семантическая оппозиция *жизнь – не слёзы, не вздохи, а борьба* придают тексту диалогический характер: автор убеждает не только самого себя, но и адресата.

5. Приём семантической оппозиции, равный антитезе, порождает текст, например: *Иногда и «на законном основании» – а трясутся ноги; а другой раз «против всех законов» – а в душе поют птички* [Розанов, 2001, с. 155].

В «Опавших листьях» частотны афористичные тексты, построенные на антитезе: *Грубость и насилие приносят 2 % успеха, а ласковость и услуга* [Розанов, 2001, с. 184]; *Не рассчитывайте в человеке на большое. Рассчитывайте в нём на самое маленькое. – Система с расчётом «на маленькое» и есть чиновничество* [Розанов, 2001, с. 184–185]; *То, что «есть», мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным* [Розанов, 2001, с. 186]. В данном тексте используется стилистическая фигура антитеза, которая является текстообразующим фактором в целом: *грубость, насилие – ласковость и услуга; «есть» (существует) – невероятное; «нет» – действительное.*

Выводы

Таким образом, индивидуально-авторское восприятие предметов, явлений, событий и др. окружающего мира проявляется не только в новом жанре листа в произведении В. В. Розанова «Опавшие листья», название которого уже метафорически отражает специфику жанра текста, но и в употреблении слова, которое именно в тексте листа реализует свой семантический, эмоциональный и экспрессивный потенциал.

Следует отметить то, что коннотативный смысл листа часто порождается следующими лексическими особенностями: употреблением антонимов, создающих антитезу; синонимов, создающих градацию; повтором слов, усиливающим экспрессию и эмоциональность текста. Также в произведении частотен троп метафора, а некоторые тексты представляют собой развёрнутые метафоры, (*измена – «починка», заплатка любви; любовь – это машина; вечное – раб времени* и др.).

Мы выделили как особые приёмы авторского текстообразования в «Опавших листьях»: семантическую оппозицию, развёрнутую метафору, а также умозаключения, созданные индуктивным и дедуктивным способами.

Как показал лексический анализ текстов «Опавших листьев», в них активно применяется речевая фигура каламбур, которая обуславливает неологизацию значений слов, то есть в тексте слова становятся авторскими семантическими неологизмами (например, слова и словосочетания: *столбняк, штамп, «заштампованный человек», «заштампованное отечество», божьи люди; грусть – это упрек и жалоба; бесконечность*) или словообразовательными неологизмами (*по думанью*). Редко встречаются тексты, построенные на бытовых и языковых пресуппозициях, отражающих народный жизненный опыт, то есть основанные на общих фоновых знаниях автора и адресата (*конь – стойло, корова – коровник, собака – конура, курица – птичник*). Текстам произведения «Опавшие листья» свойственна афористичность [Цитаты из книги «Опавшие листья»].

Итак, нами выявлены следующие индивидуально-авторские приёмы употребления лексических средств в листах, которые придают каждому листу афористический характер:

- 1) субъективное эмоциональное и рациональное определение понятий;
- 2) толкование значения слов с помощью контекстуального «приращения», создающего авторские умозаключения;
- 3) наполнение слова контекстуальным значением, когда значение слова создается или изменяется с помощью ассоциативных образов;
- 4) использование в пределах одного текста лексических средств, а также тропов, стилистических фигур для создания контекстуального смысла и экспрессии текста;
- 5) приём создания семантической оппозиции на основе антитезы;
- 6) использование авторских метафор, развёрнутых метафор, порождающих афористичный текст-лист;
- 7) использование метафор, антитезы, градации как текстообразующих факторов.
- 8) толкование смысла слов и словосочетаний индуктивным и дедуктивным способами, приводящее к авторским умозаключениям.

Как показало наше исследование особенностей употребления лексики и выразительно-образительных средств, созданных на основе лексических признаков, ориентированное на лексический анализ, а также выявленные нами приёмы авторского использования лексических средств в «Опавших листьях», специфика организации в тексте разных лексических средств является одной из главных черт идиостиля В. В. Ро-

занова.

Библиографический список

1. Бессонова Е. В. Василий Розанов как писатель серебряного века // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). С. 561–564. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21068/> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Голубкова А. А. Литературная критика В. В. Розанова. Опыт системного анализа / науч. ред. И. А. Едошина. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 432 с. URL: <https://www.academia.edu/15143782> (дата обращения : 15.11.2020)
3. Грушицкая М. А. Импрессионизм в философской прозе В. В. Розанова (на примере «Уединенного» и «Опавших листьев») // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1. Ч. 2. С. 395–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/impressionizm-v-filosofskoj-proze-v-v-rozanova-na-primere-uedinennogo-i-opavshih-listiev/viewer> (дата обращения: 11. 11. 2020).
4. Егоров П. А. Особенности литературной критики В. В. Розанова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2016. № 2. С. 24–29. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=28983429> (дата обращения: 19.11.2020).
5. Емельянов Б. В. В. В. Розанов: философ или мыслитель? // Известия Уральского федерального университета. Сер. «Общественные науки». 2019. № 4 (194). С. 207–211. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/4664> (дата обращения: 27.11.2020)
6. Карташова Е. П. Традиции русского славянофильства как источник литературно-книжного стиля философско-публицистических сочинений В. В. Розанова // Фундаментальные науки. 2014. № 12 (часть 9). С. 2036–2040.
7. Карташова Е. П. Афористика новаторской прозы В. В. Розанова // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 85–88. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233> (дата обращения: 19.11.2020).
8. Криволапова Е. М. Признаки «дневниковости» в произведениях В. Розанова «Опавшие листья» и «Уединенное» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. Выпуск 4. С. 22–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-dnevnikovosti-v-proizvedeniyah-v-rozanova-opavshie-listya-i-uedinennoe/viewer> (дата обращения: 11.11.2020).
9. Миллионщикова Т. М. Мирозрение и творчество Розанова в славистических исследованиях США. Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 91–115. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=7096997> (дата обращения 10.10.2020).
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. А. Шведовой. 4-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1983. 816 с.
11. Розанов В. Опавшие листья (Афоризмы. Максимумы. Мысли). Москва : АСТ, 2001. 591 с.
12. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
13. Фатеев В. А. Борьба Розанова за репутацию и наследие «литературных изгнанников»// Христианское чтение. 2015. № 3 (62). Рубрика «История русской философии». С. 163–182. URL: <https://readera.org/borba-vv-rozanova-za-reputacii-i-nasledie-literaturnyh-izgnannikov-140190096> (дата обращения: 17.10.2020).
14. Федотов Г. П. Изучение России // Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1988.
15. Федякин С. Р. Русская философия. Энциклопедия. 2-е изд., доп. / под общ. ред. М. А. Маслина / сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. Москва : Книжный клуб Книговек, 2014. С. 656–659.
16. Фомин А. И. Национальные смыслы в авторском тексте (на материале прозы В. В. Розанова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 9. Выпуск 4. Ч. 1. (дата обращения: 26.11.2020). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-smysly-v-avtorskom-tekste-na-materiale-prozy-v-v-rozanova-1/viewer> (дата обращения: 26.11.2020).
17. Фомин А. И. Символика прозы Василия Розанова, Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 144 с. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/> (дата обращения: 27.11.2020).
18. Фомин А. И. К образу автора розановских «листьев» // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obrazu-avtora-rozanovskih-listiev/viewer> (дата обращения: 08.11.2020).
19. Цитаты из книги «Опавшие листья». URL: <https://mybook.ru/author/vasilij-vasilevich-rozanov/opavshie-listya-1/citations/> (дата обращения: 27.11.2020) и др.
20. Шульц С. А. К специфике жанра фрагмента у Розанова Литературоведческий журнал // 2019. № 45. С. 44–53.

Reference list

1. Bessonova E. V. Vasilij Rozanov kak pisatel' serebrjanogo veka = Vasily Rozanov as a writer of the Silver Age // Molodoy uchenyj. 2015. № 14 (94). S. 561–564. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21068/> (data obrashhenija: 10.11.2020).
2. Golubkova A. A. Literaturnaja kritika V. V. Rozanova. Opyt sistemnogo analiza = V. V. Rozanov's literary criticism. Experience of a systematic analysis / nach. red. I. A. Edoshina. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2013. 432 s. URL: <https://www.academia.edu/15143782> (data obrashhenija : 15.11.2020)
3. Grushickaja M. A. Impressionizm v filosofskoj proze V. V. Rozanova (na primere «Uedinjonno» i

«Opavshih list'ev») = Impressionism in V. V. Rozanov's philosophical prose (based on The Solitude and The Fallen Leaves) // *Idei i idealy*. 2019. T. 11. № 1. Ch. 2. S. 395–405. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/impressionizm-v-filosofskoy-proze-v-v-rozanova-na-primere-uedinenno-go-opavshih-listiev/viewer> (data obrashhenija: 11. 11. 2020).

4. Egorov P. A. Osobennosti literaturnoj kritiki V. V. Rozanova = Peculiarities of V. Rozanov's literary criticism // *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva*. 2016. № 2. S. 24–29. URL:

<http://elibrary.ru/item.asp?id=28983429> (data obrashhenija: 19.11.2020).

5. Emel'janov B. V. V. Rozanov: filosof ili myslitel'? = V. V. Rozanov: philosopher or thinker? // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. «Obshhestvennye nauki». 2019. № 4 (194). S. 207–211. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/4664> (data obrashhenija: 27.11.2020)

6. Kartashova E. P. Tradicii russkogo slavjanofil'stva kak istochnik literaturno-knizhnogo stilja filosofsko-publicisticheskikh sochinenij V. V. Rozanova = Traditions of Russian Slavophilism as a source of literary style of V. V. Rozanov's philosophical and journalistic works // *Fundamental'nye nauki*. 2014. № 12 (chast' 9). S. 2036–2040.

7. Kartashova E. P. Aforistika novatorskoj prozy V. V. Rozanova = Aphoristics of V. Rozanov's innovative prose. // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 3 (23). S. 85–88. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1233> (data obrashhenija: 19.11.2020).

8. Krivolapova E. M. Priznaki «dnevnikovosti» v proizvedenijah V. Rozanova «Opavshie list'ja» i «Uedinennoe» = Signs of a «diary» in Rozanov's works «Fallen Leaves» and «The Solitary» // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2012. T. 1. Vypusk 4. S. 22–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-dnevnikovosti-v-proizvedenijah-v-rozanova-opavshie-listya-i-uedinennoe/viewer> (data obrashhenija: 11.11.2020).

9. Millionshnikova T. M. Mirovozzrenie i tvorcestvo Rozanova v slavisticheskikh issledovanijah SShA = Rozanov's work and worldview in Slavic studies in the United States // *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. № 45. S. 91–115. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=7096997> (data obrashhenija 10.10.2020).

10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of The Russian Language / pod. red. N. A. Shvedovoj. 4-e izd., ster. Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s.

11. Rozanov V. Opavshie list'ja (Aforizmy. Maksimy. Mysli) = Fallen leaves (Aphorisms. Maxims. Thoughts). Moskva : AST, 2001. 591 s.

12. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language/ gl. red. S. A. Kuznecov. Moskva : Riderz Dajdzhest, 2004. 960 s.

13. Fateev V. A. Bor'ba Rozanova za reputaciju i nasledie «literaturnyh izgnannikov» = Rozanov's struggle for the reputation and legacy of «literary outcasts» // *Hristianskoe chtenie*. 2015. № 3 (62). Rubrika «Istorija russkoj filosofii». S. 163–182. URL: <https://readera.org/borba-vv-rozanova-za-reputacii-i-nasledie-literaturnyh-izgnannikov-140190096> (data obrashhenija: 17.10.2020).

14. Fedotov G. P. Izuchenie Rossii = Studying Russia // *Lico Rossii*. Stat'i 1918–1930. 2-e izd. Parig: YMCA-Press, 1988.

15. Fedjakin S. R. Russkaja filosofija. Jenciklopedija. 2-e izd., dop. = Russian philosophy. Encyclopedia. 2nd edition, rev. / pod obshh. red. M. A. Maslina / sost. P. P. Apyrshko, A. P. Poljakov. Moskva : Knizhnyj klub Knigovek, 2014. S. 656–659.

16. Fomin A. I. Nacional'nye smysly v avtorskom tekste (na materiale prozy V. V. Rozanova) = National meanings in the author's text (on the material of V. V. Rozanov's prose) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2007. Serija 9. Vypusk 4. Ch. 1. (data obrashhenija: 26.11.2020). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-smysly-v-avtorskom-tekste-na-materiale-prozy-v-v-rozanova-1/viewer> (data obrashhenija: 26.11.2020).

17. Fomin A. I. Simvolika prozy Vasilija Rozanova = The symbolism of Vasily Rozanov's prose. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2010. 144 s. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/54030555/> (data obrashhenija: 27.11.2020).

18. Fomin A. I. K obrazu avtora rozanovskikh «list'ev» = To the image of the author of Rozanov's Leaves // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 63. S. 106–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obrazu-avtora-rozanovskikh-listiev/viewer> (data obrashhenija: 08.11.2020).

19. Citaty iz knigi «Opavshie list'ja» = Quotes from the book *Fallen Leaves*. URL: <https://mybook.ru/author/vasilij-vasilevich-rozanov/opavshie-listya-1/citations/> (data obrashhenija: 27.11.2020) i dr.

20. Shul'c S. A. K specifikke zhanra fragmenta u Rozanova = On the specificity of the fragment genre in Rozanov // *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. № 45. S. 44–53.